Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АДРЕС
редакции и конторы: Москва, М. Черкасский пер., д. № 3/4. Тел. № 3-97-89.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА
На 1 мес. . . . . 15 коп.
» 3 » . . . . 45 »
» 6 » . . . . 90 »
При перемене адреса посылать 10-тикопеечную марку и адресную наклейку, по которой получается газета.

ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА

Орган Ц. К. и М. К. ВЛКСМ.

К борьбе за рабочее дело БУДЬ ГОТОВ!

РЕДАКЦИЯ
принимает от 12 до 5 ч. веч.
Телефон № 1-35-64
Заметки должны быть аккуратно написаны чернилами на одной стороне листа. Указывать фамилию, адрес, название отряда и звена.

Цена отдельного № 4 коп.

№ 36 (140). Еженедельная газета юных пионеров и школьников. 10 декабря 1927 г.

С кого брать пример

В селе Преображенском жители измеряли возжами землю. Один из землемеров заметил, что можно скорее отмерить землю, если ехать на телеге и считать обороты колеса. Пионер Кувшинов, присутствовавший при разговоре, поставил перед собой задачу **во что бы то ни стало изобрести измерительную машину, которая бы отмечала повороты колеса.**

Имея в запасе только большую настойчивость и энергию, Кувшинов приступил к работе. Сколько раз из-за целого ряда неудач ему приходила в голову мысль бросить затеянное дело, но, **преодолев все препятствия своей настойчивостью,** Кувшинов **измерительную машинку изобрел.**

Зоя Зуева из Свердловска сделала электрические часы. Два месяца она сидела над часами. Первые часы никуда не годились. Вторые и третьи совсем не ходили **Только после длительной и упорной работы она своего добилась.** Мы могли бы привести десятки таких примеров. Почитайте в этом номере страницу смотра достижений нашей организации—и вы увидите, **как десятки ребят, преодолевая препятствия, терпя неудачи, все же никогда не бросают начатого дела.** И они, в конце концов, побеждают.

Но если мы можем привести только десятки примеров, в которых показаны настойчивость, упорство и самостоятельность, то, к сожалению, мы еще получаем сотни писем, в которых ребята жалуются без конца. Проливают горькие слезы над плохими условиями работы, что им никто не помогает, что они на положении беспризорных и т. д. Один пионер даже дошел до того, что он в своем письме ругает шефа за то, **что он им стекла не вставляет.**

Деньги есть, материал имеется, а кто-то должен им все оборудовать, а пионеры придут на все готовенькое и будут там заниматься. Таким ребятам следовало бы взять пример с пионера Кувшинова, **который деревянным самодельным циркулем и долотом, сделанным из гвоздя, самостоятельно, без посторонней помощи изобрел целую вещь.** Таким ребятам следовало бы взять пример с Зои Зуевой, которая, несмотря на беспрерывные неудачи, не бросила начатого дела.

В одном из своих рассказов знаменитый писатель Джек Лондон описывает, как один человек для того, чтобы спасти своих товарищей, должен был пройти огромнейшую снежную равнину. На протяжении сотен верст нет ни одного человеческого жилья. Количество с'естных припасов было ограниченное. Но человек пустился в путь. Он преодолевает голод, холод и беспредельное пространство. Обессиленный, изможденный, последние версты уже ползком, но он добирается до заветной цели.

Энергия, настойчивость и упорство в достижении намеченной цели — вот качества, которые должны быть у каждого пионера. Мы—будущность партии и комсомола. На нас возлагаются большие надежды. Работы по строительству новой жизни по горло. **Слабый, безвольный человек, не умеющий преодолевать препятствий и затруднений, хныкающий по каждому пустяку, не многим нам поможет.**

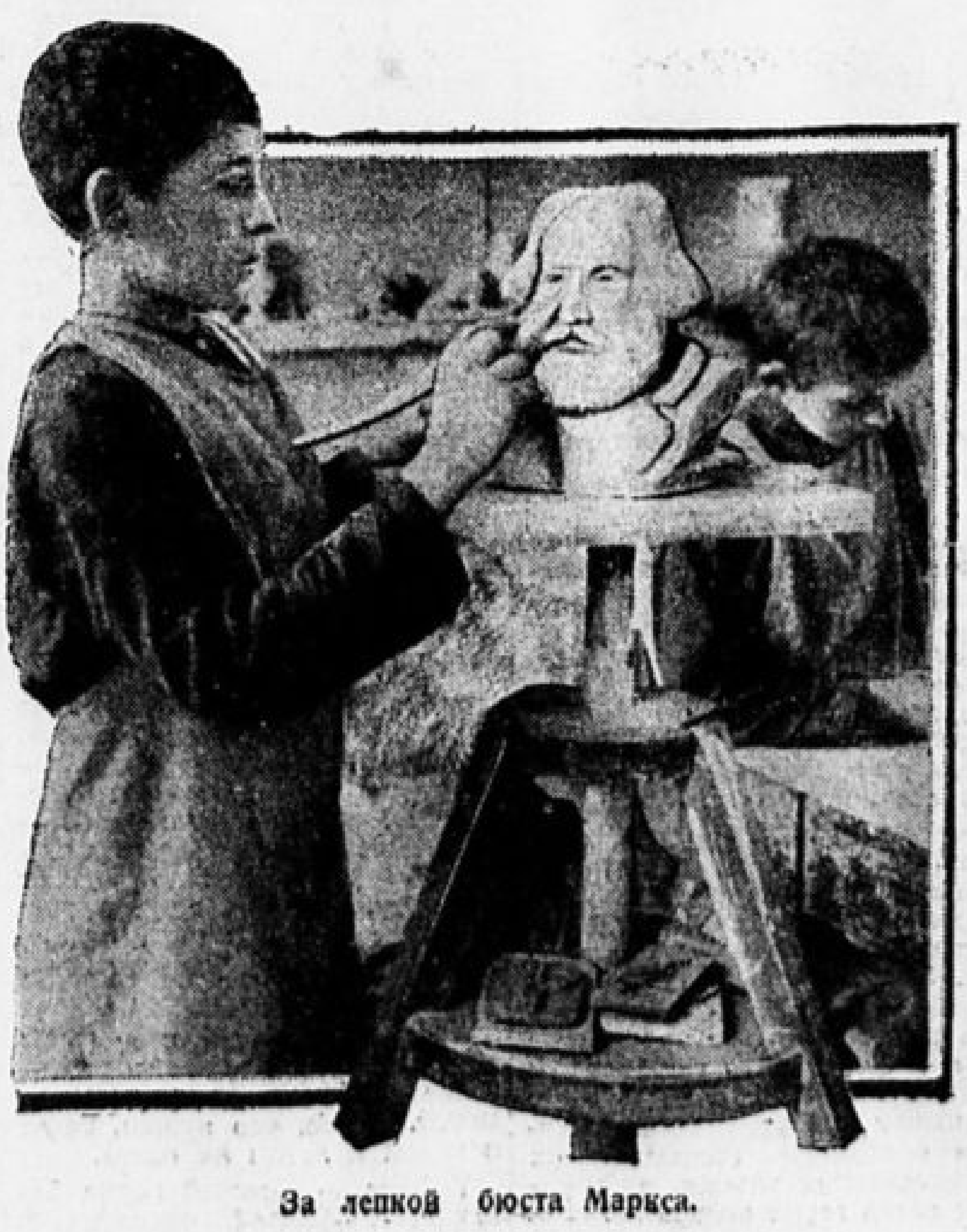

Маленькая чулочница.

ВОШЛА ЗИМА

Иду, оставляя
В снегу следы.
Над городом мрачно
Клубится дым.
В промозглой,
Холодной,
Большой Москве
Уже зажигают
Вечерний свет.
И в проблесках света
У фонарей
Кружатся снежинки
В шальной пурге.
Сугробами снега
Пригнув дома,
В Москву, торжествуя,
Вошла зима!
Зима ускоряет
Морозный бег,
Хрустит под ногами
Промерзший снег.
Иду, оставляя
Следы в снегу,
А санки навстречу
Бегут и бегут!

ЯКОВ ШВАРЦ.

За лепкой бюста Маркса.

ПИСЬМО КОМСОМОЛЬЦА—ВОЖАТОГО ОТРЯДА

Может быть, некоторые пионеры примут это письмо за обыкновенную жалобу. Но это не так. Я никому не жалуюсь. Я хочу только, чтобы товарищи-пионеры, в особенности активные пионеры, ВДУМАЛИСЬ в то, что я пишу.

Я работаю вожатым два года. За это время я имею следующие «достижения»: Я ПОТЕРЯЛ ГОЛОС И СТАЛ ВСПЫЛЬЧИВЫМ ДО НЕВОЗМОЖНОСТИ.

«Сочувствуем тебе, — могут сказать некоторые пионеры, — но какое отношение это имеет к нам?». К сожалению, очень большое. Этими своими «качествами» я обязан двухлетней моей работе с пионерами. НЕ БЫЛО ЕЩЕ НИ ОДНОГО СБОРА, С КОТОРОГО Я НЕ УХОДИЛ БЫ УСТАЛЫМ.

Бывало, провожу с ребятами беседу об оздоровлении. Они со мной согласны, что нужно быть здоровым и сильным, а, между тем, сознательно или бессознательно, своим поведением и отношением выбивают у меня ПОСЛЕДНИЕ ОСТАТКИ ЗДОРОВЬЯ.

Не буду скрывать: иногда мы вожатые, не так уж удачно проводим беседу или игру. ВЕДЬ МЫ НЕ РОДИЛИСЬ ВОЖАТЫМИ. Если у нас что-нибудь неудачно получается, со стороны слышатся ЕХИДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: «А еще вожатый отряда». Нам иногда очень тяжело чувствовать, что ПИОНЕРЫ СТАВЯТ НАМ РОГАТКИ, ОСКОРБЛЯЮТ НАС, ОСМЕИВАЮТ и т. д. Но каждый из нас чувствует обязанность комсомольца, и мы работаем невзирая ни на что.

НО КАК УЛУЧШИЛАСЬ БЫ РАБОТА В ОТРЯДЕ, ЕСЛИ БЫ ВОЖАТЫЕ И ПИОНЕРЫ БЫЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ТОВАРИЩАМИ.

ВОЖАТЫЙ ОТРЯДА МАЯКИН.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы просим пионеров откликнуться на письмо тов. Маякина. Пишите, существуют ли такие отношения к вожатым.

МЕСТЬ ТРУБОЧИСТОВ

125 лет назад в Англии трубы в домах чистили не щетками, а мальчиками.

Делали так:

Трубочист брал с собою на крышу шестилетнего или семилетнего мальчика. Там он обвязывал его веревкой и спускал в узкую трубу.

Мальчик своим телом стирал сажу.

После такой чистки у мальчика обязательно болели бока. Иногда он до крови натирал себе все тело.

Английские рабочие говорили:

— Надо запретить чистить трубы мальчиками. Это издевательство.

Но богачи не соглашались на это. Они говорили:

— Англия сгорит, если мальчики не будут чистить трубы.

Один богач, хозяин завода, лорд Бентлей особенно часто говорил о том, что дети должны чистить трубы.

— Самим же рабочим лучше оттого, что их дети чистят трубы в наших домах, — говорил он,—ведь за это они получают деньги.

А за каждую вычищенную трубу мальчику платили четыре копейки на наши деньги.

Однажды лорд Бентлей, поужинав, лег спать. Ночью ему приснился страшный сон. Ему снилось, будто воры лезут к нему через окно. Лорд Бентлей от страха проснулся.

Он открыл глаза и вдруг увидал перед собой 6 человек. Все они были в черных масках.

«Воры»,—подумал он и хотел кричать.

Но один из людей сказал ему:

— Молчите. Если вы закричите, мы убьем вас.

Лорду Бентлею заткнули рот платком и крепко связали по рукам и по ногам. Потом его куда-то повесили. Его принесли в какой-то двор, привязали к веревке и начали поднимать на крышу.

Подняли на крышу, поднесли к одной из труб—к самой широкой трубе — и спустили в нее Бентлея.

Его то поднимали, то опускали в трубе, и он своим телом счищал сажу. Ему было страшно больно. Но кричать он не мог, так как рот его был крепко завязан.

Целых полчаса чистил лорд трубу. Он стал черен как уголь.

Потом его вытащили и по веревке спустили во двор. Один человек в маске подошел к нему и сказал:

— Вы будете лежать тут до самого утра. Утром вас заметят и отнесут домой. А сейчас лежите смирно. — Потом он засмеялся и проговорил:

— Вы очень хорошо чистите трубы. Вот вам плата за вашу работу.

И он положил Бентлею в карман 4 копейки. И все шесть человек в масках ушли.

Наутро лорда Бентлея заметили, развязали и отвезли домой. С тех пор он боялся говорить о мальчиках-трубочистах.

Он хотел узнать, кто так посмеялся над ним, но ему это не удавалось. И только много лет спустя, когда, наконец, перестали чистить трубы мальчиками, а начали чистить щетками, стало известно, кто такие были шесть человек в масках.

Это были рабочие одного завода, у которых дети работали трубочистами.

Так отомстили рабочие лорду Бентлею за своих детей.

ГЛАЗА НА ОКРАИНЫ

Пять дней у пионеров Запорожья

Нас, делегатов от пионерской Москвы, пятеро.

32 часа шел поезд до Александровска, ныне именуемого Запорожьем. И в субботу, 5/XI, ранним сырым утром мы уже стояли на платформе Запорожья.

— Здравствуйте! Москва! Делегаты? — русским говором прервали наши мысли подошедшие к нам три смуглые, черноволосые запорожца.

— Да, Москва,—отвечаем мы и искренно радуемся, что так легко понимаем друг друга.

У вокзала нас уже ждут извозчики. Садимся и едем в город.

Пролетка остановилась у трехэтажного здания. Это окружная партшкола—наше временное местожительство.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Точно по радио, разнеслась по Запорожью весть о приезде московских пионеров. Мы едва успели устроиться, позавтракать—пришла группа пионеров-школьников. Правда, сразу не скажешь, что это пионеры—не видно галстуков, нет значков, формы. Потом мы убедились, что галстук и прочие атрибуты вообще не в почете у пионеров Запорожья.

Наперебой знакомят нас со своей жизнью. Но больше говорят о школе. Видно, что школа—это центр жизни запорожских ребят. В школе у них все: и учеба, и отрядная, и общественная работа, и клуб с отдыхом и развлечениями.

Любят запорожцы спорт, увлекаются играми: гандболом, волейболом, отчасти футболом.

Но радио, техника, изобретательство слабо проникли в среду запорожцев. В городе не видно знакомых нам, москвичам, мачт; в отрядах слабо поставлена ТЕХНИЧЕСКАЯ, трудовая работа.

Зато о Днепрострое ребята знают много. И неудивительно.

Днепрострой с 12-ю тыс. рабочих становится центром внимания всего Запорожья. О нем говорят, читают лекции; и запорожцы жадно интересуются всем, что относится к Днепрострою. Гордятся им и любят его, как свое детище.

Вереницей потянулись стройные беленькие домики-мазанки, с ярко-красными черепичными крышами. Вот и Днепр. Здесь он спокоен. Но выше к северу—Днепр не таков.

Там каменные зубья-пороги перегородили реку и с ревом встречают катящиеся на них бурные, вспененные воды.

КИЧКАССКИЙ МОСТ

Днепр зальет не только пороги. Будет залит и двухэтажный Кичкасский мост.

Красавец-мост! Как легко висит он над Днепром, без единой подпорочки, перекинутый с берега на берег на 15-саженной высоте. В гражданскую войну мост был взорван гайдамаками, долгое время наиболее смелые пешеходы переходили трещину по утлому мосточку из двух досок, балансируя на головокружительной высоте. Говорят, что были и жертвы таких смелых переходов.

С моста видно, как вдали, за будущей плотиной, река делится островом Хортицей на два рукава: на старый и новый Днепр.

А ТЕПЕРЬ...

Сейчас с острова доносится гул, виден вьющийся клубами дым—это рвут скалы, готовят место и устои для будущего моста.

А в грудах развороченных камней неугомимо роются гигантские ковши-экскаваторы, шутя захватывают камни чуть-ли не в сотню пудов весом и нагружают ими вагонетки.

Пыхтит от натуги экскаватор, сердится, когда упрямые камни ускользают от ковша; а рядом с ним бойкий паровозик нетерпеливо фыркает, ждет, когда длинная рука экскаватора наполнит последнюю вагонетку. Тогда радостно гудит паровозик, торопливо гонит свой состав к ряжам—деревянным клеткам, колодцам, опущенным на дно реки,—и валит туда свой каменный груз.

Так, день за днем идет работа, растет днепровская плотина.

Как зачарованные смотрели мы на весь стройный, точный, будто часики, ход работ Днепростроя. Думалось каждому: хорошо бы самому работать на постройке этого величайшего в мире сооружения.

М. Б.

Наши непримиримые враги—сынки английских лордов обучаются военному искусству.

Хотим переписываться

БАРЕМОВ, Н. И., Свердловский округ, гор. Невьянск, Вогульская ул., д. № 43.

Хочу связаться с юными техниками. Мой адрес: село Шилово, Любовинской волости, Смоленской губ. С. Синицину.

ШАФОРОСТОВ, Игорь, Сев. Кавказ, ст. Рязанская. Желательно с пионером из рабочей семьи.

4-й отряд водников им. Шмидта, Севастопольской организации. Адрес: Севастополь, 4-му отряду водников.

Желаем переписываться с отрядом из Казакстана. Наш адрес: УССР, ст. Глухово, отр. Ю. П. им. Фрунзе.

Пионеротряд им. Коминтерна, ст. Круты, Нежинского округа.

ЮЦКЕВИЧ, Михаил, ст. Лозовая Ю. ж.-д. Ветеринарная лечебница.

«Пионерскую Правду» читают даже пионеры далеких окраин.

Борьба за мир и „разоружение" по-женевски

Солидные стены зала заседаний Лиги Наций (Женева) многое слышали на своем веку и о многом могли бы рассказать. Здесь, в этих стенах, с высокой трибуны произносились возвышенные речи о мире между народами, о братстве сильных и слабых наций и раздавались торжественные обещания немедленно приступить к созыву конференции о всеобщем разоружении. Годы шли, и это обещание так и осталось на бумаге. А ДАТА КОНФЕРЕНЦИИ, ОБЕЩАННОЙ ЕЩЕ В 1924 ГОДУ, ДО СИХ ПОР НЕ УСТАНОВЛЕНА.

Лига Наций занята другими, более насущными делами. Она разрешает споры между сильными и слабыми государствами по-Крылову: «У сильного всегда бессильный виноват»; выдает «мандаты» хищным империалистическим державам на владения в порабощенных колониях и выполняет еще ряд подобных же «богоугодных» дел.

А для отвода глаз—время от времени созываются «ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ» комиссии по разоружению. На этих комиссиях ведутся бесконечные и бесплодные споры о том, кто лучше и сильнее вооружен, при чем каждая держава указывает на своего соседа, стремясь замаскировать рост своего собственного вооружения.

«МЫ ВЕДЕМ ПРОПАГАНДУ МИРА И БУДЕМ ЕЕ ВЕСТИ».

Так заявил тов. Литвинов.

Неудивительно поэтому, что декларация советского правительства на нынешней 4-й подготовительной комиссии по разоружению произвела на присутствующих «впечатление разорвавшейся бомбы».

Еще бы! Впервые слово «разоружение» звучало не пустым звуком.

«РАЗОРУЖАТЬСЯ ВСЕМ И РАЗОРУЖАТЬСЯ ПОЛНОСТЬЮ!

ПРИСТУПИТЬ НА ДЕЛЕ К ЛИКВИДАЦИИ СУХОПУТНЫХ, МОРСКИХ И ВОЗДУШНЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ».

Разоружение—так разоружение, всеобщее и полное. Угодно ли это вам, господа империалисты?!

КАК ОНИ МОГУТ ОТВЕТИТЬ НА ТАКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ? СОГЛАСИТЬСЯ? Ни за что! Никогда империалистический зверь не согласится, чтобы у него отпилили клыки. ОТВЕРГНУТЬ советское предложение; заявить открыто, что разоружение невозможно — это значит признать, что империализм не может существовать без войн.

Итак, ответа дать нельзя. Что же остается?

Остается игра в прятки.

Миллионы трудящихся научатся понимать, что такое империализм и что такое рабочее государство, и какова его политика. КТО ОТСТАИВА[ЕТ] МИР И КТО ПОДЖИГА[ЕТ] ВОЙНУ.

Л.

„Дай карандаш"

Ехать по Военно-Грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис — это все равно, что перелезать через высокий забор Кавказского хребта, тянущегося от Черного моря до Каспийского.

Самая высокая точка этого забора, которую пересекает дорога, называется Крестовым перевалом. Здесь даже летом постоянный ноябрь. Сыро, холодно, ползают туманы и выжимают из себя мелкий дождик на серо-зеленые альпийские луга.

За Крестовым перевалом начинается спуск. Автомобиль выделывает восьмерки и хитрые петли то в одну, то в другую сторону. Кое-где видны грязные бедные селеньица, в них живут горные грузины (тиулетины) и осетины.

Ребята из этих селений подкарауливают автомобиль. В руках у ребят нарванные в горах букеты цветов. Еще задолго до того, как автомобиль спустится к ним по изогнутой тропе, они начинают спектакль. Одни танцуют лезгинку на быстрых носках чустов (мягкая обувь), другие, положив палку коромыслом на плечи, танцуют танец «чабана», третьи становятся на голову и долго стоят так, дрыгая ногами. Когда автомобиль под'езжает, они отбегают к обочине дороги, замахиваются букетами и запускают ими в самую гущу едущих. А едет в автомобиле человек 20. Затем, сколько хватает сил, бегут рядом с автомобилем и кричат: «Давай, давай».

Это они просят чего-нибудь в ответ на брошенные букеты.

Обычно автомобиль быстро обгоняет ребячий крик, но ребята не унывают. Наперерез хитрым петлям дороги сбегают они вниз и поджидают в тех же позах и с теми же танцами у следующего поворота.

Если остановить машину, ребята на нее набросятся, и пассажиров поразит их первое требование: «Давай карандаш». Карандаш — это первая жажда ребят. Надо видеть, какими жадными глазами следят они за движением рук пассажира, вынимающего карандаш из кармана и разрезающего его на несколько частей, чтобы не обидеть других. За карандашом идет бумага, и много записных книжек, раздерганных по листкам, остается у ребят Крестовского перевала.

И только если не находится ни карандаша, ни бумаги, ребята просят денег или (если парнишка постарше) папирос.

Карандаш и бумага нужны ребятам, во-первых, для школы, а если школы нет, то они с этими орудиями будут бегать к грамотным, выспрашивать у них буквы и набираться знаний самоучкой.

В стороне от Военно-Грузинской дороги есть совершенно дикий народ хевсуры. До сих пор они, выходя из дому, надевают кольчуги, чтобы враг не убил по дороге. Женщины их моют волосы коровьей мочей, чтобы насекомые не заели. До сих пор у них огромное влияние имеют жрецы, священники, которые по праздникам варят пиво для всенародного пьянства.

Редкие путешественники проезжают по этой глухой стране, в которой нет даже радио. Путешественников поражает любознательность маленьких хевсурят. Эти хевсурята подбирают каждый клок рисунка с папиросной коробки, с мыльной обертки и с брошенного журнала и мякишем ячменного хлеба приклеивают эти рисуночки к черным булыжным стенам своих беспросветных жилищ, в которых огонь горит костром посреди комнаты,—дым выедает людям глаза и выходит не в трубу, а в узкие щели окон и дверей.

Такие «любознатели», наслушавшись от старших, возящих продавать масло на станции Военно-Грузинской дороги, о всяких чудесах, творящихся там, за горными хребтами, рассказывают своим маленьким сотоварищам про удивительные ящики на колесах, которые бегают по дорогам, про трубы, в которые разговаривают люди за тысячу верст, про ящики со стеклом, которые здорово умеют рисовать все то, на что их наставят.

Ребятишки слушают и думают: «Врешь, сказки рассказываешь». Но все-таки и у них зарождается сомнение: а вдруг в этих рассказах хотя бы одна десятая — правда. И уже их начинает тянуть от хлевов, от грязи, от пьянства, от разговоров о том, кто кого обидел и кого нужно убить,—к тем удивительным странам.

Не надо забывать, что самое слово «колесо» для хевсурят уже является чудом. Они колеса не знают. А все, что нужно, возят и зимой и летом на санях.

Тифлис — главный город Закавказья, большой, пр[иго]рный, красивый. Утром и к [обе]ду по улицам писк ребятишек. Это отправляются в школы или [воз]вращаются оттуда. Образов[ание] в Грузии стоит очень выс[око]. В некоторых районах нет н[и од]ного неграмотного.

Приглядываюсь к группе [ре]бят, сбившихся у стены в [уго]жок. Показалось, что они [ли]бо в перышки играют, либо ма[рка]ми обмениваются. Оказывае[тся] нет. Игра совсем новая—в ки[но]кадры. Дело серьезное. У [ка]ждого записная книжечка, [ме]жду страниц которой ссып[аны] черные квадратики. Кадр[ы] эти — своего рода ребячья [ва]люта. Цена кадрика—копе[йка]. Но есть и дороже, в зависимо[сти] от знаменитости актера.

Мне в Грузии рассказыва[ли], что кадрик с Натой Вачна[дзе] стоит 8 обыкновенных кадрик[ов], т. е. 8 копеек. А кадрик с зна[ме]нитым комическим акте[ром] Чиаурели—целых 15.

Тут только понял я, куда [де]ваются выстригаемые механ[ика]ми интересные места ки[но]фильм, от чего портятся ле[нты], идет непрестанный крик [на] страницах кино-журналов.

Эти коллекционеры кадров одни из главных вредителей [ки]но-фильм.

С. ТРЕТЬЯКОВ.

С. МСТИСЛАВСКИЙ

„Союз тяжелой кавалерии“

Глава V.

Голубой мальчик

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА: Временное правительство хочет отправить Николая II и всю царскую семью в Англию, избавив их, таким образом, от мести народной Совет рабочих и солдатских депутатов решил не допустить этого. Посылается эмиссар арестовать царя. Появление его во дворце вызывает переполох.

Николай круто повернулся налево кругом.

— Но если правительство решило...

— Эти хулиганы не считаются с ним. Эмиссар заявил, что с этой минуты фиктивный арест— он имел наглость выразиться именно таким образом, — фиктивный арест, прокламированный правительством для безопасности арестованных, — заменяется арестом подлинным — для безопасности революции.

— Опять это проклятое слово!

— Он лично разместил посты: тройным оцеплением дворец отрезан от мира; эти подлые стрелки поклялись, что через их караулы и заставы отныне не проберется и мышь, и повиноваться они будут только приказам Совета. В случае попытки вывести из дворца кого-нибудь они прибегнут к оружию. У входа на половину вашего величества—утроенный караул. Они накладывают сейчас замки на двери.

— Демоны... — прошептала сквозь сжатые зубы Ржевская.— Но офицеры караула? Я еще утром говорила с командиром батальона, и он...

— Десяток шашек против 300 штыков!

— Значит, мы замурованы?

Бенкендорф молча развел руками.

Николай походил по комнате, покачивая головой.

— Что ж, подождем...

Он посмотрел на гофмаршала и слегка вздрогнул.

— Граф Бенкендорф! Вы не все сказали.

Старик опустил голову.

— Вы угадали, государь.

Александра вытянула руку и вскрикнула истерично.

— Нет, нет... не надо, не надо, граф!

— Успокойтесь, ваше величество.

— Цареубийца, да?

Бенкендорф молчал. Николай потер рукой лоб.

— Это очень неожиданно. Я был так хорошо настроен. Они в самом деле, требуют моей головы?

— Нет, нет, ваше величество, — торопливо пробормотал гофмаршал, — он потребовал только, чтобы вас... пред'явили ему.

В наступившей тишине резко и жутко прозвучал смех Ржевской; она стояла на коленях около кресла Александры.

Николай оглянулся на нее и расплылся улыбкой.

— Пред'явить... только это и всего. И ты делаешь из-за этого зловещее лицо и до-смерти пугаешь императрицу...

Александра Федоровна закрыла руками лицо. Ржевская поднялась с колен бледная.

— Вы... пойдете, вы?..

— А почему нет? — недоуменно спросил Николай. — Пойду, конечно, и даже сейчас, пока нам не подали кофе. Мы сможем, по крайней мере, спокойно выпить его.

От тяжелых за штыками охраны входных дверей, мимо гайдуков, арапов и камер-лакеев, любопытной и напуганной толпой отжавшихся к вешалке белой, под мрамор, передней—эмиссар поднялся по лестнице вверх. Бенкендорф шел, брызжа слюной. Сзади эмиссара—рука на расстегнутом кобуре — шел Багговут. Из кармана эмиссарского тулупа действительно торчала, черной насечкой рукоять браунинга. Браунинг — оружие подполья.

С Багговутом поднимались начальник караула и рунд.

Он смотрел на спутанные под папахой волоса, на спину под перекрестом желтых ремней, на покачивающиеся в такт под'ема ножны шашки и думал: сейчас, здесь на лестнице—не доводя до императора, до позора?

Зала за залой. Открылся коридор, картины по стенам. У перекрестка—Апраксин, Долгорукий, откуда-то вынырнувший толстый, обтянутый тугим уланским мундиром, комендант дворца, Коцебу. Здесь. Бенкендорф указал место. Эмиссар задвинул руки за пояс и стал. К этим рукам приковались глаза придворных. Багговут беззвучно достал револьвер. Рядом с ним начальник караула, дрогнув, поспешно растегнул свой кобур: он понял движение. Две руки, два дула. Эмиссар стоял неподвижно, посреди коридора. Один.

Щелкнул за поворотом дверной запор. Эмиссар переставил ногу: резко в тишине замершего дворца стукнули шпоры. И тотчас на этот стук отозвалось за поворотом тихое и прерывистое перезванивание других шпор: кто-то шел, неровными, вздрагивающими шагами.

Руки...

Но руки эмиссара, попрежнему, за ременным широким поясом. Он стоит неподвижно. Шаги близятся.

. . . .

Николай вышел из-за поворота. Остановился, вынул руки из карманов, потер их привычным жестом, словно подставлял под рукомойник, подергал шеей и вдруг решительно пошел к эмиссару, прямо серединой коридора. Багговут видел холодные и бездумные—как всегда на приемах —передернутые красными жилками, равнодушные глаза. Николай подходил, глухо топая по ковру; казалось, он сейчас заговорит. И вдруг в зрачках сверкнули непривычные, невиданные никогда Багговутом искры яростной, безграничной, подлинной злобы.

Придворные вздрогнули, как один. Николай повернул и, цепляя шпорами, быстро скрылся за поворотом.

Эмиссар вынул руки из-за пояса. И только сейчас, оторвав внимание от них, увидел и понял Багговут — эмиссар стоял в папахе, с покрытой головой. Перед монархом! Предел глумления! Ударить?

И снова что-то остановило руку. Он посторонился, пропуская эмиссара, и, как мальчишка, пойманный на куреньи, спрятал за спину револьвер.

Эмиссар ушел с офицерами. Придворные и Багговут молча проводили их глазами. Потом Бенкендорф сказал:

— Что ж, господа, пройдемте к их величествам.

. . . .

Опять столовая, гостиная. С порога Багговут увидел зеленые презрительные глаза. Она уже знала.

Николай, присев у мозаичного венецианского стола, медленными глотками пил кофе. Но руки его вздрагивали. Он открыл зубы, полуулыбкой:

— Ну, вот, господа, как видите, обошлось без цареубийства.

Придворные отвели глаза. Александра Федоровна приподняла голову от глубокой кресельной спинки.

— Это было хуже, чем цареубийство, разве я не права, Бенкендорф? Как арестант, как ничтожество пройти перед каким-то... с низов, от грязи посланным. Это поругание помазания!

— Это Голгофа, — вздохнул Долгорукий. — Но в писании сказано, ваше величество: претерпевший до конца спасен будет.

Ржевская пожала плечами, брезгливо и резко.

— Я прошу прощения, но мне приходят на ум другие тексты писания—Христос был распят и воскрес. Но если нас распнут, мы не воскреснем, будьте уверены.

— Марго, какой язык, — тихо проговорила Александра.

— Язык верноподданной и язык старой крови, государыня. Надо действовать.

Долгорукий оглянулся на дверь. Бенкендорф сделал знак. Апраксин, осторожно ступая, вышел в соседнюю комнату.

Выждав, Бенкендорф заговорил:

— Княжна права. Надо действовать. Этот сегодняшний случай — предвозвещение. Надо быть готовым ко всему.

Николай досадливо отодвинул чашку.

— Ну вот! Зачем обязательно предполагать худшее? Я совершенно уверен, что все обойдется прекрасно. Вначале всегда бывают такие эксцессы. Потом обходится. Обойдется и теперь.

— Что вы думаете нам предложить? — сказала, глядя прямо перед собой застывшим взглядом, Александра.

Бенкендорф откашлялся и оглянулся на Багговута.

— Прежде всего надо создать вооруженную опору. Они сильны бунтом штыков. Мы должны поставить штык против штыка. Без оружия недействителен даже кнут.

— Но армия предала меня, Бенкендорф! — Лицо Николая снова стало наливаться кровью. —Всю пасхальную неделю, — давно ли это было, — я христосовался с солдатами... по 900 человек в день—это шутки! И тем не менее... когда я уезжал, хотя бы одна каналья высморкалась.

— Гвардия...

— Гвардии нет, — резко вмешался Багговут. — Война покончила со старой гвардией. Только одна тяжелая кавалерия может создать организацию, способную дать защиту угрожаемому престолу.

— Союз тяжелой кавалерии,— медленно сказала Александра.— Это звучит рыцарски.—Это впечатляет.

— Заговор? — дернул шеей Николай. — Вы хотите меня подвести под петлю. Я позабыл историю, но я помню твердо: монархические заговоры почему-то не удавались никогда.

— Речь идет не о заговоре, ваше величество, а о восстановлении нагло попранных прав. Тяжелая кавалерия положит только начало. Оно даст сигнал, по которому народ вернется к подножию вашего престола, — это не замедлит. Разве Серафим Саровский не предсказал вам благоденственного и славного царствования? Или он не святой больше? Ротмистр Багговут прав. Конная гвардия, союз ее офицеров—палаш против блузы. Смехотворный спор о том, кто победит! Поле будет за нами.

Николай улыбкой распушил усы.

— Вы так уверены? Вы заражаете меня своей уверенностью, Марго. Багговут, ты думаешь, моя гвардия сумела бы... как это говорят... держать заговор? Что ты думаешь, в самом деле, о союзе тяжелой кавалерии? Это правда, звучит хорошо.

— Я уверен, что офицеры тяжелых полков будут счастливы сложить головы за ваше величество!

— Опять «сложить головы!»— нетерпеливо скривил губы Николай.—Что этоу всех стал за язык! Голова, голова... Точно на свете только и есть, что голова

Он помолчал и налил себе кофе из серебряного тяжелого кофейника.

— Во всяком случае, об этом союзе я ничего не знаю и не собираюсь знать, Багговут может условиться в чем нужно с Долгоруким и Бенкендорфом... тем более, что у обоих сыновья в конной гвардии. Арестованный не нуждается в флигель-ад'ютантах: ты можешь немедленно выехать в полк, Багговут. Но я ничего не знаю. Я отрекся, я признал это самозванное правительство — я держу слово. Монарх, который конспирирует, спускается до ранга непомнящих родства — это недостойно. Я ничего не знаю. Ты немедленно выедешь на фронт, Багговут. Да, чтобы не забыть. Проездом в полк навести в ставке моего косоглазого друга: он назначен верховным главнокомандующим, как вы знаете. Перед моим от'ездом мы беседовали с ним по душе: это честный монархист и лично мне он искренно предан. Ты передашь ему мой привет и ничего больше, не правда ли?

— Мне пришло в голову, — попрежнему ни на кого не глядя, проговорила Александра, — что Багговуту, может быть, полезно было бы поговорить с Корниловым. Я не имела случая испытать его, но от прошлых встреч у меня осталось впечатление...

— Командующий революционным гарнизоном, который допускает к нам эмиссаров вроде сегодняшнего... — отмахнулся Николай, но глаза его весело смеялись. — Он бросит меня на штыки этих людоедов... Правда, если поискать в памяти, он говорил кое-что, это милый Лавр...

— Мавр, — засмеялась Ржевская. — Возьмите это на примету. Вы... эмиссар... Союза тяжелой кавалерии.

— Из министров... — начала Александра, но Николай остановил ее ласковым жестом.

— Ради бога не надо. У меня и то такое ощущение, что я уже опять царствую. Дай мне хоть немножко побыть простым Голубым Мальчиком.

(Прод. см. в след. номере)

„Звери дедушки Дурова“

(Коллективный отзыв)

Чтобы послушать чтение книги «МОИ ЗВЕРИ» В. ДУРОВА. ИЗД. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1927 г., собрался весь отряд 2-го дома Ревсовета. Было около 70-ти пионеров. Всякий норовит занять место поближе, чтобы лучше услышать и посмотреть иллюстрации, а их много в книге Дурова.

— Какой доклад будете делать?—на разные голоса раздаются вопросы.

Об'ясняю пионерам, что я из газеты «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА», что буду читать книгу. Читаю заглавие—«Звери дедушки Дурова». — Восторженные крики:

— Мы его знаем, в цирке видали!

Читаем предисловие. Ребята забрасывают вопросами:

— Где сейчас Дуров?

— Где живут его звери?

ОБЕЗЬЯНА МИМУС

Читаю большую главу об обезьяне Мимусе. Ребята заинтересованы—ребята скорее похожи на зрителей театра, чем на слушателей книжки. Дружными взрывами смеха сопровождаются отдельные места книги.

Обезьяна шимпанзе (человекоподобная обезьяна)—это редкий экземпляр. Они не часто попадают в Европу и долго не выживают. Дурову представилась возможность приобрести и вывезти из Германии шимпанзенка-детеныша—Мимуса, и он его ВОСПИТАЛ НЕ КНУТОМ, А ЛАСКОЙ И ЛЮБОВЬЮ.

Прошло немного времени и Мимус сделался членом семьи Дурова—СИДЕЛ на детском стуле за столом, ПИЛ ЧАЙ из блюдца, ЗВОНИЛ В ЗВОНОК, когда хотел есть, ОТКРЫВАЛ КРАН, когда нужно было мыться, ПОКАЗЫВАЛ ЯЗЫК ДОКТОРУ, когда заболевал.

Воспитывая Мимуса, Дуров ОТКРЫЛ В НЕМ СПОСОБНОСТЬ К РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ, А ТАКЖЕ К РИСОВАНИЮ. Мимус научился рисовать нолики и говорить 4 слова: папа, деда, по (попугай) и пыть пыть (не надо).

Дуров всю жизнь был странствующим артистом; зарабатывая свой хлеб, он переезжал из города в город. Обезьянам переезды не полезны, но делать было нечего. В поездке Мимус простудился, серьезно заболел, ничего не ел 2 недели. Рот от голода покрыт был язвами цынги, сочные губы распухли; он уже не в состоянии говорить «пыть-пыть». Так погиб бедный маленький культурный шимпанзе.

УГОЛОК ДУРОВА

В прежнее время Дурову приходилось кочевать, выступать в холод и непогоду в плохо колоченных балаганах и т. п. Трудности и частые переезды подорвали силы артиста. Дуров устраивает себе постоянный УГОЛОК в Москве. В 1924 ГОДУ УГОЛОК ПЕРЕИМЕНОВЫВАЕТСЯ В «ПРАКТИЧЕСКУЮ ЛАБОРАТОРИЮ О ЗООПСИХОЛОГИИ» (наука о душевной жизни животных).

ДУРОВУ ПРИНАДЛЕЖИТ ИНТЕРЕСНОЕ ОТКРЫТИЕ, ЧТО ЖИВОТНЫЕ СМОГУТ НАМ ПОМОЧЬ ПРИ ВОЙНЕ: морские львы могут спасать утопающих, срезывать мины, служить подводной почтой и т. п., орлы—снижать неприятельские аэропланы, собаки—уничтожать проволочные заграждения.

РЕБЯТА СЧИТАЮТ КНИГУ ПОЛЕЗНОЙ.—«Дуров заражает своей любовью к животным»— заявляет большинство пионеров. —«Эта книжка учит нас обращаться с животными». Ребята очень просят организовать экскурсию в уголок Дурова. «КНИЖКА—ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ. ИНТЕРЕСНО НАПИСАНА»,— заявили ребята.

С. СОКОЛОВА.

Голь на выдумки хитра.

Пионер-смекалка

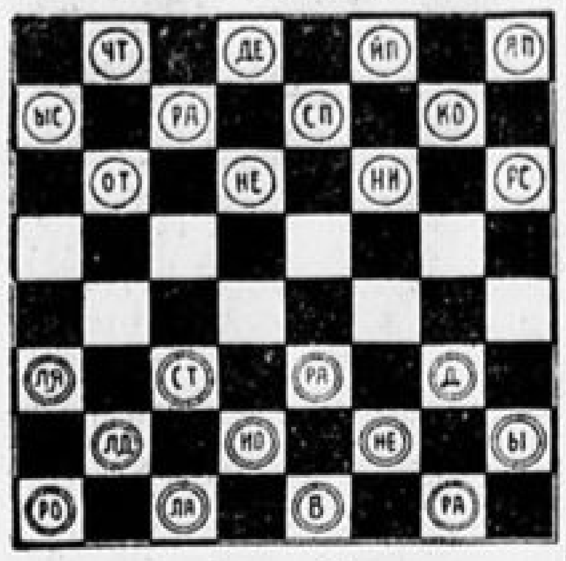
№ 47. РЕБУС

(Гончарова, И., г. Дорогобуж).

№ 48. ШАШЕЧНАЯ ЗАДАЧА БУКВ.

(Батфина, И., Москва).

Партия игры в шашки без поддавков. Белые начинают, черные (двойной кружок) запирают всех белых. Какое положение шашек должно быть в конце игры, чтобы буквы, на них поставленные, при чтении в известном направлении составили бы обращение редакции?

№ 49. ЛОГОГРИФ

(Могилко, А., ст. Гайворон).

С «С» немного больше мухи.
Но кусаюсь так, что ой,
С «К» я делаюсь большой,
Я приток реки большой.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 34

№ 41.

№ 42.
Пл-Е-мя, Пл-А-мя.

№ 43.
Между «На» и «К» надо поставить «борщ».
На-борщ-и-К.

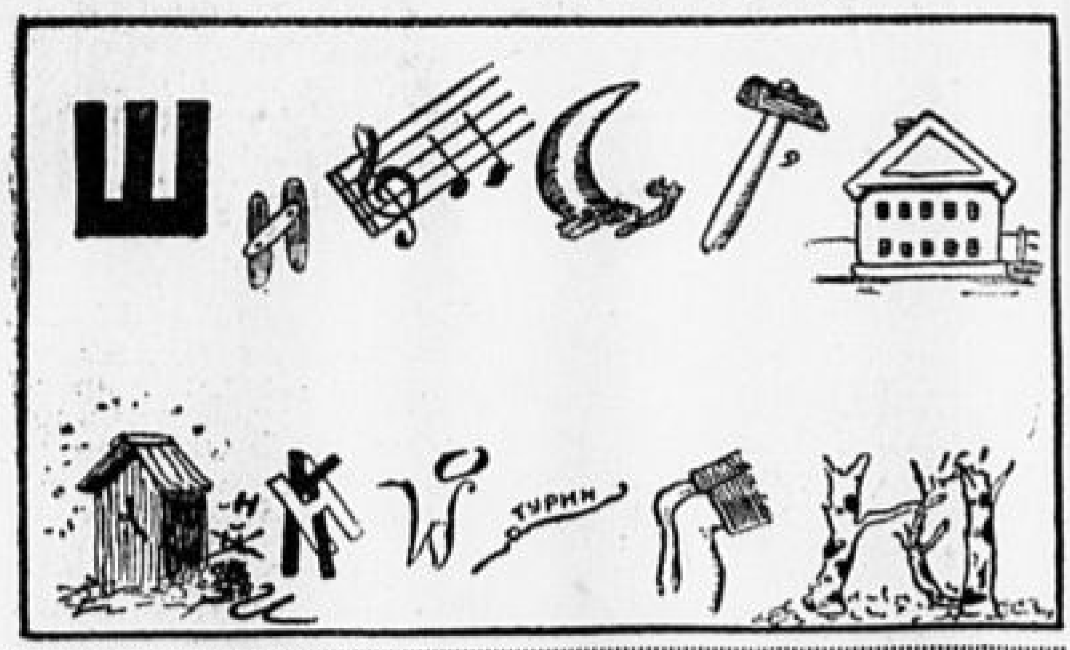
ПРАВИЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПРИСЛАЛИ:

№№ 41, 42 и 43—Смирнов, Ф. (Самара), Чудинов, Х. (Баку).

№№ 42 и 43—Яковлев, А., Яшкина, М.

№ 42—Аристархова, Ф. (Москва). Афиногенова, Е. (Уфалей), Бакушина М. (Баку), Маркина, А. (Москва), Шапошников, Б. (Ленинград).

№ 43—Невиев, Н. (Сызрань), Мухин, Е. (Вятка).

ЛЫЖНЫЙ ПРОБЕГ „ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ"

„Пионерская Правда", по примеру прошлого года, организует третий лыжный пробег пионеров и школьников.

ПРОБЕГ ПРОДОЛЖИТСЯ ПЯТЬ ДНЕЙ

ЗАДАЧИ ПРОБЕГА:

1) Смычка город. ребят с деревенскими.

2) Агитация за „Пионерскую Правду".

Пробег будет подробно освещен в газете и даст опыт для организации отрядных лыжных пробегов.

УЧАСТ. ПРОБЕГА ДОЛЖНЫ БЫТЬ:

выносливыми, физически-крепкими ребятами, хорошо умеющими ходить на лыжах.

ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ДЛЯ ПРОБЕГА:

1) Теплая, легкая одежда, валенки и рукавицы.
2) Записная книжка и карандаш.
3) Кружка, ложка, ножик и заспинный мешок или сумка.

Запись желающих участвовать в пробеге производится в редакции „Пионерской Правды" до 20 декабря.

Адрес: Мал. Черкасский пер., д. 3/4, 2-й этаж, у тов. ЛЮБИМОВА. Телефон 1-35-64.

Подробности в следующем номере.

Суд над педагогами

Суд над педагогами, избивавшими детей, продолжался 8 дней. Подсудимые, отказываясь от своей вины, старались доказать суду, что с беспризорными нельзя обращаться иначе. Это, мол, ненормальные дети, которые рвутся на улицу и не хотят ни учиться, ни работать.

Выступавшие перед судом ребята-свидетели узнавали педагогов, которые их били.

Карлов, веселый мальчик, лет 14-ти, теперь музыкант из железнодорожной команды, усмехаясь, напоминает Балагушину, застывшему на скамье подсудимых:

«А помните, как вы меня ремнем?».

Укором звучат слова недавнего воспитанника Покровского приемника, Лельмана:

«Часто можно бы словами подействовать, уговорить мальчика, а они — раз, — получай оплеуху».

Четверка подсудимых не только сами расправлялись с ребятами, но и другим советовали:

«А ты заведи в уборную да набей ему морду»,—говорила Жеромская другой воспитательнице.

Их советы пропадали даром. Из 70-ти педагогов Покровского приемника била лишь эта четверка, которую пролетарский суд жестоко осудил.

Педагогам Жеромской, Иванову и Балагушину запрещено на 2 года работать с детьми. Иванов и Балагушин 1 г. и 6 мес. будут содержаться в тюрьме. Жеромская приговорена к 1 году, но в силу Октябрьской амнистии приговор в исполнение не приводится. Доктору Ульмеру и бывшему заведующему приемником Титову выносится общественное порицание. Инспектор Шахуньянц и педагог Латко по суду оправданы.

В Советском Союзе кулаком не воспитывают. Те, кто забыл это, не будут педагогами. Суд над педагогами Покровского приемника остановит всех, кто поднимает руку над детьми.

В. СТАСИЙ.

Редколлегия: Крупская, Эпштейн, Максина, Соколов, Лядова.

Отв. редактор: В. Лядова.

Издатель: «Правда и Беднота».

ПОМОГАЙ МАТЕРИ

КАК ОБЛЕГЧИТЬ ТРУД ПО КОЛКЕ ЛУЧИНЫ.

Лучина нужна для растопки печи или плиты и для самовара. В домашнем обиходе без нее трудно обойтись.

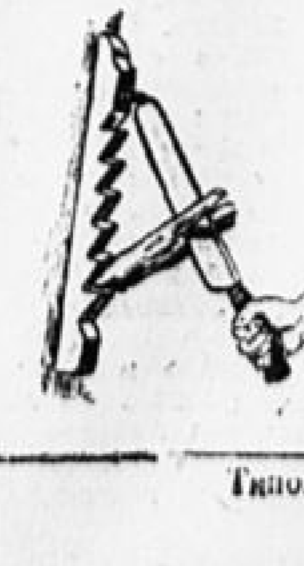
Как облегчить этот труд? Первым условием является, чтобы полено было сухое и не суковатое. Затем не лишне сделать себе такой лучинокол, как показано на рисунке. Такой лучинокол можно даже прибить к стене, так что не нужно будет нагибаться.

Делается лучинокол из толстого бруска, в который вделывают уступы для установки полена. На рисунке показано несколько уступов для того, чтобы возможно было употребить разных размеров дрова. Наверху при помощи шурупов, но лучше болтов, приделывается выступающая скоба. В конце косаря просверливается дырочка, в которую продевается ось и прикрепляется к выступающему месту скобы. Косарь на оси должен ходить совершенно свободно.

Такой лучинокол даст возможность в домашнем быту без шума и особых затруднений в любое время наколоть лучины. Чтобы планка не так скоро износилась, можно выступы обить железом.

Л. Ш—Т.

От редакции. Пишите, кто сделал лучинокол?

Главлит № А—1056. Типография «Рабочей Газеты» Москва, Сущевский вал, 63. Тираж 75.000.